

О.И.Цветкова

ТРАДИЦИИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ В РОМАНЕ В.ПЕЛЕВИНА «ЛЮБОВЬ К ТРЕМ ЦУКЕРБРИНАМ»

Роман-антиутопия достиг значительного развития в 1920-е — 1930-е годы. В современной литературе жанр антиутопии не менее актуален, он позволяет сделать акцент на порабощенности личности в условиях нового времени. В романе Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам» так же, как и в романах «Мы» Евгения Замятина, «Приглашение на казнь» Владимира Набокова, рассматриваются темы тотального контроля. Всеобщая открытость и наглядность, отсутствие чувства внутренней свободы — вот темы антиутопии 1930-х годов, традиции которых продолжает роман Пелевина.

Ключевые слова: антиутопия, прозрачность, личность, свобода, контроль, порабощение

Роман-антиутопия — жанр сравнительно новый в русской словесности, он достиг значительного развития в 1920-е — 1930-е годы. В первые десятилетия после революции жанр антиутопии был своего рода зеркалом, обнажающим все пороки нового политического режима. Признаки его прослеживаются и в дореволюционной словесности, например, у Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» (1869—1870).

С.В.Баладина описывает особенности этого жанра следующим образом: «Антиутопия — это жанр, представляющий собой критическое описание общества утопического типа, своеобразную антитезу социальной утопии. В произведениях описывается, как правило, квазиидеальное общество (зачастую тоталитарное)» [1].

В форме антиутопии написаны такие произведения как роман Замятина «Мы», повесть Платонова «Котлован», роман Набокова «Приглашение на казнь». Используя особенности антиутопии авторы данных произведений смогли поднять вопросы тоталитарного контроля в послереволюционном обществе.

Анализируя роман Набокова «Приглашение на казнь» и повести Платонова «Котлован» с точки зрения их жанрового своеобразия и актуальности в послереволюционной действительности, Ольга Ревзина в своей статье «Приглашение на казнь» пишет: «Так оправданно ли в этом случае говорить об антиутопии применительно к нашим произведениям? На наш взгляд, безусловно, и более того, они наглядно демонстрируют эволюцию русской литературной утопии в двадцатом веке. “Вымышленное общество”, “далекое будущее” — это ведь, по существу, лишь художественные приемы для осмысления прошлого и настоящего. И в этом плане происходит коррекция жанра: изображаемый мир становится адекватным своему названию. Ведь если утопия — “место, которого нет” или “совершенное место, страна совершенства”, то антиутопия — “мир, который есть”, тот, что существует в действительности и столь далек от совершенства. Однако у жанра антиутопии есть и более глубокое основание: в нем позволительно видеть особый способ художественного мышления и художественного познания мира, позволяющий вывести наружу то, что оказывается скрытым при другом взгляде» [2].

В современной действительности жанр антиутопии не менее актуален. Он так же является зеркалом, отображающим все недостатки государственного устройства, и он так же позволяет сделать акцент на безнравственности и порабощенности личности в условиях нового времени.

Таков, например, роман Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам». В этом произведении так же, как и в романах «Мы» Евгения Замятина, «Приглашение на казнь» Владимира Набокова, рассматриваются темы тотального контроля, отсутствия человека как личности, наличия общества как системы, давящей и убивающей индивидуальность в зародыше. Всеобщая открытость и наглядность, отсутствие чувства внутренней свободы — вот темы антиутопии 1930-х годов, традиции которых продолжает роман Пелевина.

Тайное — грешно, опасно и даже преступно. Герои вышеперечисленных произведений боятся быть раскрытыми, боятся, что их поймут на вольнодумии. Герой Пелевина Кеша постоянно пытается обмануть систему, которая ловит каждую его мысль: «Бесконечная шеренга таких же красных, серпасто-молоткастых лысеющих блондинов уходила в зеркала в обе стороны. Очередь за бесконечностью, как сострил какой-то поэт. Вот из-за этого зеркального тамбура Кеша и не любил прогулок в пространстве LUCID. Он понимал, что он вызовет больше подозрений, если не будет сюда ходить, но ему казалось, что рамка способна мистическим рентгеном просветить его ум и понять про него все-все до конца» [3, с. 109].

Мир, окружающий Кешу, построен на тотальном контроле. Однако этот контроль герои романа Пелевина выбрали для себя сами как элемент современного стиля: «И каждый почему-то считал себя обязанным носить в кармане так называемый смартфон — микрофон и глаз сразу нескольких спецслужб. Это было, как людям объясняли в медиа, современно и престижно...» [3, с. 140].

Герой Набокова Цициннат уже осужден за «гносеологическую гнусность», то есть за то, что был непроницаем для общества: «Обвиненный в страшнейшем из преступлений, в гносеологической гнусности, столь редкой и неудобосказуемой, что приходится пользоваться обиняками вроде: непроницаемость, непрозрачность, препона; приговоренный за оное преступление к смертной казни; заключенный в крепость в ожидании неизвестного, но близкого, но неминуемого срока этой казни (которая ясно предощущалась им, как выверт, рывок и хруст чудовищного зуба, причем все его тело было воспаленной десной, а голова этим зубом);

стоящий теперь в коридоре темницы с замирающим сердцем, — еще живой, еще непочатый, еще цинциннатный, — Цинциннат Ц. почувствовал дикий позыв к свободе, и мгновенно вообразил — с такой чувствительной отчетливостью, точно это все было текучее, венцеобразное излучение его существа» [4, с. 122].

Герои Замятина в романе «Мы» живут в прозрачных домах, не имея возможности уединения и не понимая ценность личной жизни: «А так среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен — мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли что могло быть. Возможно, что именно странные, непрозрачные обиталища древних породили эту их жалкую клеточную психологию. “Мой (sic!) дом — моя крепость” — ведь нужно же было додуматься!» [5, с. 232].

Тема уединения очень важна для авторов романов-антиутопий. Так, она поднимается в романе Набокова при нахождении главного героя в тюрьме, где каждый день он вынужден общаться с неприятными ему людьми, отсутствие уединения и чувство бесконечного ожидания — вот что чувствует Цинциннат. Герой Пелевина также лишен чувства уединения, каждую секунду он должен демонстрировать свои мысли виртуальному пространству и бояться быть пойманным.

Свобода оказывается подчинением контролю. Особое место в антиутопиях занимает мотив свободы и уникальности личности, оборачивающихся при мнимой пропаганде этих ценностей отсутствием независимости и подавлением воли. Так, главный герой романа «Любовь к трем цукербринам» Кеша описывает свободу виртуального и реального пространства следующим образом: «Свободные от сил гравитации», — усмехнулся про себя Кеша. — Конечно свободные, когда платить нечем. А были бы шэринг поинтс, жил бы на Еврайхе... Была бы и сила тяжести, и личное пространство из двух комнат. С туалетом и душем. <...> А сестричка была бы из биопластика. Ходили бы с ней по полу без всяких <...> памперсов... И без проводов в голове... Нет, главное, каждую секунду мозги промывают — свободные... свобода...» [3, с. 103].

Навязывание свободного порабощения проходит красной нитью и через роман Замятина «Мы». Главный герой рассуждает: «Свобода и преступление так же неразрывно связаны между собой, как... ну, как движение аэро и его скорость: скорость аэро = 0, и он не движется; свобода человека = 0, и он не совершает преступлений. Это ясно. Единственное средство избавить человека от преступлений — это избавить его от свободы» [5, с. 253].

Однако если герои Замятина живут в прозрачных домах, то современный человек, по Пелевину, не живет в прозрачном доме, зато он является носителем прозрачного программируемого разума: «Ты полагаешь, что система читает мысли, а потом вставляет между ними контекстную рекламу? — прошептал он. — Черта с два! Ей не надо ничего читать. Мы думаем мысли, в которые вставляют рекламу, потому что нас заставляют их думать. Их заматают в наши головы вот этой вот поганой метлой...» [3, с. 142]. Подобным является общество в романе Набокова «Приглашение на казнь», где единственный действительный человек — главный герой Цинциннат: «Я тридцать лет прожил среди плотных на ощупь привидений, скрывая, что жив и действителен, — но теперь, когда я попался, мне с вами стесняться нечего» [4, с. 142].

Связь всех этих произведений очевидна. В своем романе Пелевин, подобно Замятину в романе «Мы», указывает на то, что, несмотря на развитие технологий, а во многом и благодаря им, герои живут в мире полнейшего контроля и отсутствия свободы мысли: «Ведь какие идиоты вокруг. Они полагают, что система — это Путин. Или Обама. А если очень умные, уверены, будто система — это ФРС и Йеллен-шмеллен. А система — это светящийся экран на расстоянии шестидесяти сантиметров от глаз. С которым мы <...>, советуемся и интересуемся, какие для нас сегодня будут новости. Путин, Обама, Йеллен — это на нем просто разные картинки. А экран один и тот же... Мы думаем, что экраном управляем наполовину мы, а на другую половину спецслужбы, но на самом деле сам экран уже давно управляет и нами, и спецслужбами. Вот что такое система» [3, с. 56].

Герой Пелевина находится в добровольной изоляции, подобно герою Замятина. Он рад быть обманутым, рад быть зависимым и подчиняться системе: «Убегать некуда. Реальность не скрыта от нас вселенским обманом. Зачем? Это слишком неэкономно. Реальность не запрещена. Она всего лишь не видна. Она скучна, и мы прячем ее под обои фейстоба. Физический мир скрыт за ворохом электронных симуляций и поп-апов. Нас не надо вводить в принудительный транс уколами наркотиков или настроенными на ритмы мозга вспышками. Мы зомбируем себя сами — и больше всего боимся, что это прекратится. Мы способны в любой момент увидеть реальность, отвлекшись от наложенной на нее лжи, но мы этого не делаем. Зачем? Мы и так все знаем про этот скучный и всегда одинаковый бэкграунд... Ре-аль-ность. Ну и что? Зачем, Нео? Не интересно...» [3, с. 93].

Роман-антиутопия показывает несовершенство и абсурдность того мира, который, казалось бы, должен быть идеальным.

Однако В.Пелевин видит способ и возможность жизни в счастливом, совершенном мире и этот способ заключается в следующем: «Зато есть одна простая проверенная техника, срабатывающая всегда. Медленный, но самый надежный способ перемещения в счастливые миры описан во всех древних книгах — в той их части, которая посвящена, сорри за банальность, заповедям. Они, в общем, везде одни и те же, эти техники правильной жизни. И жить по заповедям очень непросто (“не лги, не убий, не укради” и так далее ведь относится не только к физическим проявлениям, но и к состояниям ума). Но мы, образованные современные люди, знаем, что заповеди написаны не для нас. Мы — высокоразвитые сущности, живущие по особым

правилам для продвинутых. Ах, если бы. Сила тяжести одна для всех. И путь тоже один для всех, без всякой выделенной полосы, где особо одаренные существа проезжают со спецсигналом. Таких не любят нигде» [3, с. 166].

Герои антиутопии Пелевина преступили законы мироздания, законы природы и теперь, находясь в виртуальном пространстве, могут лишь имитировать действие природных сил. Техника соблюдения правил высшего мироздания и есть путь, ведущий из несовершенного и запрограммированного мира, из искусственной действительности, зомбификации и тотального контроля в мир непрдуманной настоящей реальности.

-
1. Баландина С.В. Специфика жанра литературной антиутопии на материале романа А. Зиновьева «Зияющие высоты» [Электр. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-zhanra-literaturnoy-antiutopii-na-materiale-romana-a-zinovieva-ziyayushchie-vysoty> (дата обращения: 15.10.2017).
 2. Ревзина О. Приглашение на казнь (Предисловие) [Электр. ресурс]. URL: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/invitation.htm> (дата обращения: 17.11.17).
 3. Пелевин В. Любовь к трем цукербринам. М.: Эксмо, 2014. 448 с.
 4. Набоков В. Приглашение на казнь // Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1990. 480 с.
 5. Замятин Е. Мы // Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М.: Русская книга, 2003. 562 с.

References

1. Balandina S.V. Spetsifika zhanra literaturnoy antiutopii na materiale romana A. Zinov'eva «Ziyayushchie vysoty» [Elektr. resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-zhanra-literaturnoy-antiutopii-na-materiale-romana-a-zinovieva-ziyayushchie-vysoty> (data obrashcheniya: 15.10.2017).
2. Revzina O. Priglasenie na kazn' (Predislovie) [Elektr. resurs]. URL: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/invitation.htm> (data obrashcheniya: 17.11.17).
3. Pelevin V. Lyubov' k trem tsukerbrinam. M.: Eksmo, 2014. 448 s.
4. Nabokov V. Priglasenie na kazn' // Sobr. soch.: V 4 t. T. 4. M.: Pravda, 1990. 480 s.
5. Zamyatin E. My // Sobr. soch.: V 5 t. T. 2. M.: Russkaya kniga, 2003. 562 s.

Tsvetkova O.I. Traditions of dystopia in V. Pelevin's novel "Love for Three Zuckerbrins". Dystopian novel reached considerable development in the 1920s — 1930s. In modern literature the genre of dystopia is no less relevant, it allows you to focus on the enslavement of the individual in the new era. In the novel by Victor Pelevin "Love for Three Zuckerbrins", just like in the romans "We" by Yevgeny Zamyatin, "Invitation to the Execution" by Vladimir Nabokov, the themes of total control are considered. Universal openness and visibility, lack of a sense of inner freedom are the themes of the dystopia of the 1930s, the traditions of which are continued by Pelevin's novel.

Keywords: dystopia, transparency, personality, freedom, control, enslavement.

Сведения об авторе. О.И.Цветкова — аспирант (специальность 10.01.01 — русская литература) НовГУ им. Ярослава Мудрого; mio1987@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.12.2017.